

На следующий же день после визита Сяо Янся и Ян Яньянь, Лочэнь вновь предстал перед Шэнь Цинчжоу с неожиданной стороны. В его облике и суждениях не осталось и следа от привычного образа простого слуги из переулка Луши, и на сей раз это заставило молодого господина проникнуться к нему искренним уважением.

С тех самых пор, как Шэнь Цинчжоу ступил на стезю воинских искусств, он ни разу не пропускал утренних упражнений — разве что в те редкие дни, когда тело валила с ног жестокая хворь. Нынешнее утро не стало исключением. Просторный передний двор нового дома избавил его от необходимости бродить по окрестностям в поисках подходящего места. К счастью, Лочэнь тоже поднимался на рассвете и против шума во дворе ничего не имел.

Тренировка началась еще в пятую стражу и затянулась до самого часа Дракона. Выполняя привычные связки, Шэнь Цинчжоу в очередной раз подивился тому, насколько безупречно, словно бесшовная парча, переплетались тайные техники его школы с ментальным канонем. Тысячи часов изнурительных упражнений позволяли ему менять стойки и наносить удары интуитивно, повинаясь малейшему импульсу воли. Однако стоило ему перейти к собственной, недавно созданной технике, как бывшая легкость мгновенно испарялась, а движения теряли былую плавность.

И все же недавняя схватка с «Молотом» на хребте Десяти тысяч сосен укрепила его веру в сокрушительную мощь собственного стиля. Бросить начатое на полпути казалось теперь невыносимым.

Препятствием на этом пути встал канон внутренней силы: преодолеть этот тупик никак не удавалось. Шэнь Цинчжоу уже не раз перекраивал саму технику движений, пытаясь подстроиться под дыхание, но перемены приносили лишь едва заметные улучшения. Это бессилие злило его до глубины души.

Сегодня он упрямо решил идти до конца. Обычно к часу Дракона Шэнь Цинчжоу уже заканчивал упражнения и шел умываться, пока Лочэнь накрывал на стол, после чего они вместе завтракали в обеденной зале.

Однако сегодня время перевалило на вторую четверть часа, а он все не выпускал оружия из рук. Он стремительно метался по двору, неуловимый, как призрак. Клинок двигался с такой быстротой, что отраженный свет сплетался в сплошное сияющее полотно, накрывшее весь сад невидимой сетью.

Поймав нужный ритм, юноша решился на один из сложнейших приемов — «Плывущие облака, заслоняющие солнце». Движение требовало молниеносной работы кисти: череда мгновенных уколов, подсечек и рубящих ударов должна была обрушиться на все три уровня обороны противника разом, лишая его малейшей возможности уклониться. В этот миг клинок должен был превратиться в непроницаемую стену стали — подобно тучам, что затмевают дневное светило, погружая землю во мрак.

Прием требовал колоссальной скорости и безупречного контроля дыхания — малейшая заминка в циркуляции внутренней ци грозила крахом. Полностью сосредоточившись, Шэнь Цинчжоу подвел связку к решающему удару, как вдруг ощутил, что в его даньтяне образовалась мгновенная пустота. Секундный провал — и боевой импульс оборвался. Со стороны могло показаться, что движение выполнено безукоризненно, но сам мастер понимал: былая ярость и неодолимая воля клинка испарились без следа.

В сердцах он опустил оружие. Раздражение и глухая тоска требовали выхода. Не зная, на ком сорвать злость, Шэнь Цинчжоу перевернул клинок, подаренный господином Цзинем, рукоятью вверх и гневно зашипел на него:

— И все из-за тебя! Бесполезная железяка! Думаешь, раз прикончил того недоумка с молотом, так сразу стал грозным оружием, познавшим вкус крови? Как бы не так! Зачем боевому мечу эта дурацкая праздничная мишура? Вырядился, жемчужину на себя нацепил, хвостун дешевый! Клянусь, если когда-нибудь совсем обнищаю, заложу тебя первому встречному меняле ради мешка риса! Красивая безделушка, грош тебе цена!

Под конец этой тирады он и сам не понимал, кого честит — клинок или собственное бессилие. Впрочем, пар был выпущен, и на душе стало чуточку легче. Шэнь Цинчжоу ласково провел пальцами по ножнам и примирительно улыбнулся:

— Ладно-ладно, прости. Настроение паршивое, вот и сорвался на тебе. Не держи зла, договорились? Сам посуди, едва ты появился, твоего предшественника перерубило пополам. Теперь мне надеяться не на кого, кроме тебя. Так что давай без подлянок в самый ответственный момент, ладно?..

Закончив этот чудаковатый монолог, он обернулся. В углу двора, замерев с прямой спиной, стоял Лочэнь. Его лицо было спокойным, а внимательный взгляд — неподвижным и сосредоточенным.

Шэнь Цинчжоу убрал оружие в ножны и с широкой улыбкой направился к юноше.

— Ну что, — весело спросил он, — похож я на сумасшедшего?

Лочэнь опустил взгляд на его пояс, после чего быстро взмахнул руками:

— Пора завтракать.

Поколебавшись секунду, он добавил еще несколько жестов:

— Опять ничего не получается?

Юноша шутливо скривился:

— Пойду сначала умоюсь и переоденусь. Расскажу за едой, так и быть.

На завтрак Лочэнь подал суп с мясными клецками в наваристом свином бульоне. Шэнь Цинчжоу денег на еду не жалел, но его немой компаньон просто не умел готовить изысканные яства. Впрочем, простое блюдо оказалось невероятно сытным и ароматным. Молодой мастер опустошил свою миску в мгновение ока, выпив бульон до последней капли, и лишь тогда вспомнил о своем обещании поделиться утренними горестями.

Сытный завтрак растопил остатки его досады, точно жаркое летнее солнце — утреннюю изморозь. Довольный Шэнь Цинчжоу отставил миску и принялся подробно объяснять Лочэню суть своей проблемы. Закончив рассказ, он тяжело вздохнул:

— Если я не найду выход из этого тупика, весь мой хваленый стиль так и останется красивым танцем. Девчонок на ярмарке забавлять — в самый раз, но против настоящего мастера я с ним не продержусь и трех вдохов.

Впрочем, умение Шэнь Цинчжоу подшучивать над собой превосходило любые невзгоды. Он комично вздернул брови и хохотнул:

— Хотя, если подумать, беда невелика! Я ведь придумал эту технику чисто ради забавы. Вполне естественно, что для смертельного боя она не годится. А то будь я настолько безупречен во всем, ветераны цзянху просто лопнули бы от зависти!

Лочэнь слушал его затаив дыхание, сохраняя предельно серьезный вид. Когда юноша умолк, собеседник нахмурился и принялся что-то быстро объяснять знаками. Шэнь Цинчжоу лишь рассмеялся:

— Погоди, не успеваю следить за твоими руками! На пальцах такое не объяснить, нужна бумага и кисть? Что ж, давай зайдем к тебе. С удовольствием выслушаю твои мудрые советы.

Лочэнь бросил на него быстрый, изучающий взгляд. Не произнося ни звука, он быстро убрал посуду со стола и повел Шэнь Цинчжоу в свою комнату.

Все письменные принадлежности в этой комнате были куплены хозяином дома. Лочэнь наотрез отказывался от дорогих подарков, так что Шэнь Цинчжоу с трудом уговорил его принять хотя бы «самый простой и скромный» набор, отказавшись от покупки редких сортов туши и изысканной бумаги.

Когда они только переехали, Шэнь Цинчжоу часто заглядывал сюда, чтобы ухаживать за раненым. Но как только Лочэнь окреп и пошел на поправку, визиты прекратились. Он сам ревностно оберегал личные границы и не любил, когда в его покои совались без спроса, а потому полагал, что и Лочэнь ценит уединение не меньше.

Сейчас, окинув комнату быстрым взглядом, он отметил исключительную аккуратность своего гостя. Вещей здесь было немного, но каждая лежала строго на своем месте. Постель была заправлена идеально ровно, окна сияли чистотой, а на письменном столе красовались подаренные им четыре драгоценности кабинета. Рядом белел свежий лист бумаги, покрытый аккуратными иероглифами. Шэнь Цинчжоу из любопытства шагнул ближе и прочитал написанные строки:

«Жизнь в подлунном мире — лишь великий сон,

К чему обременять себя напрасными трудами?

Оттого-то и безумен я весь день напролёт...»

Шэнь Цинчжоу невольно прочитал эти строки вслух и с удивлением повернулся к Лочэню:

— Не думал, что ты увлекаешься древними напевами юэфу. Но это ведь только начало песни, верно? А что там дальше? Что ждет того, кто безумствовал весь день?

Лочэнь отчаянно замахал руками, беззвучно артикулируя и силясь объяснить, что эту песню когда-то разучивал Сицюань. Тот часто напевал ее вслух, и Лочэнь просто запомнил красивый мотив и несколько строчек.

Узнав, что стихи написаны чужой рукой, да еще услышав имя Сицюаня, Шэнь Цинчжоу мгновенно потерял всякий интерес к поэзии. Поморщившись, он поспешно сменил тему:

— Ну ладно. Так что ты думаешь по поводу моей проблемы?

Лочэнь сел за стол и вывел ровную строчку:

[Я ничего не смыслю в боевых искусствах, Вэньгуй, поэтому прошу простить, если мои слова покажутся тебе глупостью.]

Затем под нетерпеливым взглядом хозяина дома он, почти не отрывая кисти от бумаги, быстро приписал ниже:

[Я слушал твой рассказ и никак не мог взять в толк одну простую вещь. Зачем ты ломаешь голову и тратишь столько сил, пытаешься подчинить свои приемы канону внутренней силы? Почему бы не поступить наоборот?]

Шэнь Цинчжоу замер как вкопанный. Меньше всего он ожидал услышать от Лочэня подобный вопрос. Впрочем, размышлял он, для человека, далекого от тайн истинного мастерства, такое непонимание сути вещей вполне естественно.

Объяснить непосвященному, в чем кроется загвоздка, было не так-то просто. Шэнь Цинчжоу нахмурился, подбирая понятные слова:

— Видишь ли, любой боец начинает свой путь с закалки тела и внешних форм. Но когда мастерство достигает определенного уровня, даже чисто внешние техники требуют поддержки изнутри — они должны опираться на циркуляцию ци и канон дыхания. Наша школа Сяояо придает развитию внутренней энергии ключевое значение. Кем бы ни был ученик, сколько бы лет ему ни было и какими бы талантами он ни обладал, он не имеет права изучать ни одну боевую технику, пока не овладеет техникой Северного океана из нашего Канона сердца Сяояо хотя бы до третьего уровня.

Лочэнь выслушал его со всем вниманием, однако на его лице не отразилось ни тени понимания. Он вновь обмакнул кисть в тушь и вывел размашистый вопрос:

[Но почему все-таки приемы должны подстраиваться под внутреннюю энергию? Почему бы не заставить внутреннюю энергию служить твоим приемам?]

— Заставить внутреннюю энергию служить приемам?.. — вслух повторил Шэнь Цинчжоу.

Эти слова эхом отозвались в его сознании, словно глухой удар храмового колокола, возвещающий о начале рассвета. В его голове будто прояснилось.

Все его боевые навыки строились на канонах Сяояо. Хотя его собственная семья славилась древними воинскими традициями, старшие никогда не обучали его домашним техникам. А школа Сяояо была оплотом праведных путей, где учение передавалось строго от простого к сложному, шаг за шагом. За двадцать лет тренировок Шэнь Цинчжоу привык к этому незыблемому порядку вещей настолько, что перестал замечать его рамки.

Для него и для любого адепта школы Сяояо внутренняя сила всегда оставалась господином, а внешняя техника — лишь послушным слугой. Канон внутренней энергии правил разумом, подобно государю, а искусство клинка лишь безмолвно подчинялось ему. Именно поэтому, столкнувшись с разладом между движениями и дыханием, он пытался исправить именно движения.

Но что, если... если сам созданный им стиль уже достиг совершенства и любые изменения только калечили его? Что, если он изначально не предназначался для канонов школы Сяояо?

Шэнь Цинчжоу не отрываясь смотрел на написанные Лочэнем слова. В груди его заклокотал восторг, границы привычного мира словно рухнули в один миг, открывая перед внутренним взором бескрайний простор. Он стоял потрясенный, не в силах вымолвить ни слова.

Лишь когда Лочэнь обеспокоенно коснулся его плеча, Шэнь Цинчжоу пришел в себя. На его лице расцвела сияющая улыбка. Не помня себя от радости, он крепко, до хруста ребер, обнял Лочэня и восторженно закричал:

— Да! Ты тысячу раз прав! Почему нельзя пойти от обратного? Почему?!

Конечно, Лочэнь указал ему верную дорогу лишь по наитию, сам того не подозревая. Шэнь Цинчжоу прекрасно понимал: найти или создать новое учение для управления ци, которое идеально легло бы на его технику, — задача невероятной сложности. Сил и знаний для создания собственного духовного трактата у него не хватало, а безрассудное вмешательство в древние каноны без понимания сути грозило искажением внутренней энергии и неминуемым безумием.

Но главное было сделано: он вырвался из ловушки собственных догм. Больше не было нужды упрямо биться головой о глухую стену!

И этим озарением он был обязан Лочэню!

— Брат Ло! — восторженно хохоча, Шэнь Цинчжоу снова стиснул юношу в объятиях. — Брат Ло, а давай я научу тебя боевым искусствам? Что скажешь?

Лочэнь от неожиданности замер и едва заметно, тепло улыбнулся.

Пребывая на седьмом небе от счастья, Шэнь Цинчжоу увлекся и заговорил без умолку, не думая о последствиях:

— Ты просто не представляешь, как мне полегчало! Я уже думал, что придется похоронить этот стиль. А ведь я вложил в него столько души... Каждое движение в нем связано с облаками. Даже само название — «Юньхэ»... Это ведь второе имя моего первого старшего брата, Сун Сяо.

Он лишь хотел разделить свой триумф с близким человеком, и совершенно не заметил, как при упоминании этого имени едва зародившаяся улыбка на лице Лочэня мгновенно угасла, сменившись ледяной маской.

Спустя несколько дней их тихую обитель потревожил новый гость. С визитом прибыла невеста Шэнь Цинчжоу, проделавшая долгий путь из самой столицы, — прекрасная и грозная Вэнь Ле.

<http://bllate.org/book/19915/2041593>